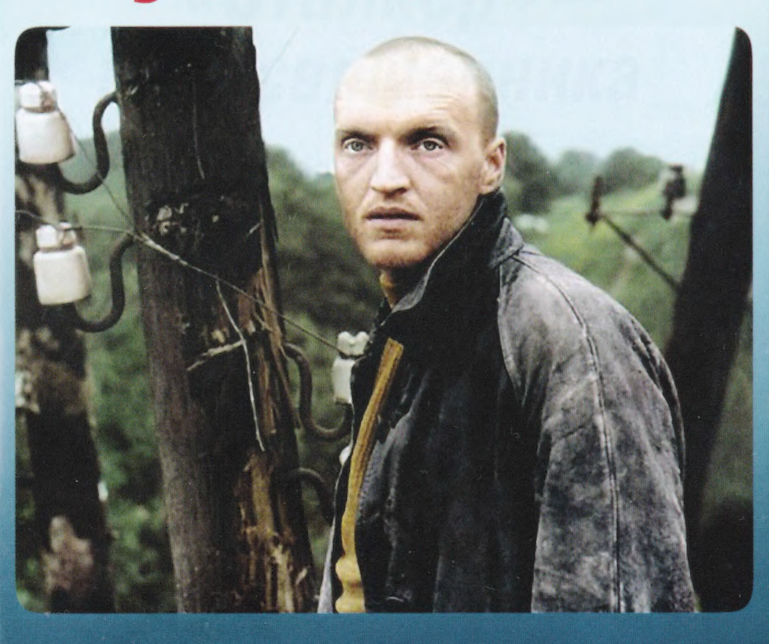
Иерей Димитрий Барицкий

«Сталкер» – путь священника

Опыт богословского прочтения кинофильма Андрея Тарковского

Иерей Димитрий Барицкий

«Сталкер» — путь священника

Опыт богословского прочтения кинофильма Андрея Тарковского

Приход храма Св. Духа сошествия
на Лазаревском кладбище
Москва 2014

УДК 244
ББК 86.372
Б249

**Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р14-413-1333**

Религиозное издание

Барицкий Димитрий, иерей
Б249 «Сталкер» — путь священника. Опыт богословского прочтения кинофильма Андрея Тарковского.— М.: Местная религиозная организация Православный приход храма Святаго Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2014.— 32 с.

Фильмы Андрея Тарковского для многих стали откровением в советское время. Они и сейчас не оставляют зрителя равнодушным. В «Сталкере» в полной мере проявляется гений режиссера: линейный сюжет повести Стругацких превращается в многоуровневую картину, в которой прикровенно говорится о Боге, о счастье, о вере и неверии. Священник Димитрий Барицкий (кандидат богословия, преподаватель кафедр библеистики и филологии Московской Православной Духовной Академии) предлагает одно из прочтений этого фильма.

УДК 244
ББК 86.372

* * *

Один мой друг рассказал о таком случае. Однажды знакомый священник пригласил его на ужин. Среди прочих гостей была пожилая пара — оба в прошлом преподаватели университета. В Церковь пришли еще до Перестройки. Разговорившись за столом о вере, культуре, искусстве, завели речь о творчестве Андрея Тарковского, а именно о его фильме «Сталкер». Вдруг выяснилось, что мой товарищ, несмотря на то, что сам имеет непосредственное отношение к сфере культуры, образования, а отчасти и искусства, этот фильм не смотрел. «Как, вы не смотрели, „Сталкера"?!» — пораженно воскликнула пожилая дама — и вдруг заплакала.

Если не обращать внимания на некоторый пафос реакции собеседницы, в том, что произошло, ничего странного нет. В присутствии диссидента «доперестроечной» формации признаться в том, что, будучи образованным человеком, ты не смотрел «Сталкера» Тарковского — все равно, что, будучи студентом последнего курса семинарии, на выпускном экзамене по аскетике признаться в том, что ты ни разу в жизни не брал в руки творения аввы Дорофея.

Для многих представителей старшего поколения работы Андрея Тарковского являлись не просто образцами современной классики, они были откровением. «Сталкер» занимал среди них особое место. Он говорил о том, о чем нельзя было сказать прямо, но к чему так страстно желал прикоснуться сердцем и умом человек, ищущий ответы на «проклятые вопросы».

Смотреть «Сталкера» не просто. Причина этого не только в том, что произведение имеет глубокую смысловую нагрузку, но и в том, что эти смыслы выражены при помощи сложного символического ряда. Для того чтобы дешифровать авторский замысел или хотя бы интуитивно уловить идейное ядро фильма, необходимо подобрать нужный ключ, разгадать особый код.

Можно искать этот код в философии, этике, социологии, эстетике и других отраслях человеческого знания. Однако при более пристальном рассмотрении становится очевидным, что на первый план здесь выходит именно религиозная и даже мистическая проблематика. Все остальное — лишь производные. Адекватно и полно прочитать «Сталкера» Тарковского можно лишь вконтексте религиозно-богословской парадигмы.

«Чудо из чудес»

...Что это было? Падение метеорита? Посещение обитателей космической бездны? Так или иначе, в нашей маленькой стране возникло чудо из чудес — ЗОНА. Мы сразу же послали туда войска. Они не вернулись. Тогда мы окружили ЗОНУ полицейскими кордонами... И, наверное, правильно сделали... Впрочем, не знаю, не знаю...

А. и Б. Стругацкие,
«Пикник на обочине»

Зона — место, где происходят основные события фильма. Три человека — Сталкер (проводник), Писатель и Профессор — идут в самый ее центр, туда, где находится таинственная Комната, которая исполняет желания. Зона — это не просто случайная локация. Подобно трем героям фильма, она обладает собственным характером и также принимает активное участие в действии, которое разворачивается на экране. Ее образ сложен, многогранен и, конечно, глубоко символичен.

Первое впечатление, которое дарит зрителю Зона,– угроза. Здесь на каждом шагу героев подстерегает неведомая опасность. «Зона – это... очень сложная система... ловушек, что ли, и все они смертельны»,– объясняет своим спутникам Сталкер. «...Тут не место для прогулок,– продолжает он.– Зона требует к себе уважения. Иначе она карает». Именно поэтому Сталкер ведет своих подопечных предельно осторожно, перепроверяя каждый свой шаг. У Зоны есть черта, которая особенно пугает и страшит,– ее изменчивость и непостоянство. Эта идея проходит лейтмотивом через весь фильм. «Здесь каждую минуту все меняется,– говорит Сталкер,– ...стоит тут появиться людям, как все здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности». Частный случай такой нестабильности Зоны – искажения пространства:

Профессор: «А далеко до этой Комнаты?»

Сталкер: «По прямой — метров двести, да только здесь не бывает прямых, вот в чем беда».

Окружающий пейзаж только усиливает тревожное настроение. Тарковский изображает Зону большой свалкой: полуразрушенные или просто заброшенные дома, уничтоженная военная техника, бытовой мусор, оборванные линии электропередач и даже останки людей, военных и, возможно, неудачных сталкеров,– вот такая картина.

Однако чем дальше по ходу развития сюжета, тем становится очевидней, что Зона Тарковского – это не зона «Пикника на обочине» Стругацких. В оригинальном произведении, по мотивам которого и был снят фильм, она не более чем пространство аномалий инопланетного происхождения, однозначно враждебных человеку.

В киноленте же первое, что сразу обращает на себя внимание,– цветовая символика. Мир вне Зоны сер и уныл. Как только герои попадают в Зону, цветовая гамма становится насыщенной и разнообразной (обилие зеленого и голубого). Несмотря на опасность, жизнь здесь играет всеми красками. В отличие от Рэдрика, сталкера Стругацких, Сталкер Тарковского воспринимает мир Зоны как родной дом. Это единственное место, где ему уютно, комфортно,

спокойно и безопасно (он даже хочет переехать сюда с семьей).

В чем же загадка Зоны? Откуда эта двойственность? Вот ответ, который предлагает Сталкер: «В каждый момент она такова, какой мы ее сами сделали... своим состоянием... все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас!» Зона чутко реагирует на состояние человеческой души. Именно от этого состояния зависит то, как она примет путника и какие сюрпризы ему преподнесет.

«Стать беспомощными, как дети»

Какие же требования предъявляет Зона к тем, кто хочет через нее пройти? Важными условиями для преодоления Зоны и достижения цели, чудесной Комнаты, являются вера и детская чистота души. Со всей отчетливостью эта идея выражена в «молитве» Сталкера о своих подопечных:

«Пусть исполнится то, что задумано. Пусть они поверят. И пусть посмеются над своими страстями... А главное, пусть поверят в себя и

станут беспомощными, как дети, потому что слабость велика, а сила ничтожна... Когда человек родится, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила – спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, то не победит».

Но, пожалуй, самое важное условие – это настоящая, выстраданная потребность в чуде и жажда подлинного счастья. Поэтому Сталкер и говорит: «Пропускает она тех, у кого... надежд больше никаких не осталось. Не плохих или хороших, а... несчастных?» Зона пропустит лишь того, кто сокрушен жизненными обстоятельствами, страстно желает найти выход, но не находит; того, кто понял, что в этом, обычном мире, ему больше не на что надеяться. Человека, который осознал всю мимолетность и призрачность земных суррогатных благ; того, кто томится и изнывает от пошлости сиюминутных удовольствий, славы, богатства. Не зря все три героя выглядят несколько «пришибленными» на фоне весьма респектабельной дамы, знакомой Писателя, в первой сцене фильма.

Итак, внимание к внутреннему состоянию человека, акцент на роли веры, чистоты, сердечного сокрушения как важных условиях достижения цели — все это делает очевидным, что Зона Тарковского живет по законам духовного мира, аллегорией которого она и является. Как и пространство духовной реальности, она особым образом реагирует на каждого «посетителя» в зависимости от того, в каком духовном расположении он находится. Иными словами, каждый раз Зона принимает форму конкретной человеческой души. Чем больше соответствия ее требованиям, тем меньше угрозы, тем быстрее можно достигнуть цели. Отсюда эта постоянная изменчивость и нестабильность Зоны. Ведь, как и в духовном мире, здесь не может быть шаблонных решений и путей. Несмотря на то, что ориентиры существуют, каждый случай уникален, и каждый путник проходит этот маршрут по-своему. В этом же контексте становится очевидным, что захламленность Зоны не банальный беспорядок, а скорее прием, который показывает, что она живет иначе, не подчиняясь законам земной логики. То же можно сказать о пространственных искажениях. Реальность Зоны — реальность

иконы, нарушение всех мыслимых законов земного бытия, а также символ невыразимости законов мира духовного.

«Сокровенные желания»

Зачем Зона появилась на свет и ради чего она так устроена? На этот вопрос дает ответ сам Сталкер: «Чтобы сделать нас счастливыми». Каким образом? Зона породила Комнату, которая исполняет желания и которая является целью путешествия трех героев. Требуя от своих гостей жажды настоящего чуда, чистоты и веры, она охраняет подступы именно к этому месту.

Что же такое эта Комната? Интерпретировать этот таинственный образ помогает явно не случайная деталь: строение, в котором она находится, отчетливо напоминает православный храм (можно разглядеть алтарную абсиду, четверик и трапезную).

Какие именно желания исполняет Комната? Самые сокровенные. Что это такое? По мысли Писателя, это то, чего вожделеет испорченная человеческая натура; с его слов, та «дрянь», которая в душе накопилась. Однако Тарковский

устами Сталкера предлагает совсем другой ответ на этот вопрос. У «Мясорубки» (одного из самых опасных мест Зоны) тот читает стихотворение:

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

Наши сокровенные желания – это не наша подсознательная «дрянь», страсти и комплексы. Еще глубже, на самом дне человеческого существа, живет нечто, что заставляет нас томиться и жаждать чего-то большего, нежели простого удовлетворения каждодневных телесных и душевных потребностей. Они не могут дать человеку настоящего счастья: ведь в итоге этого всегда оказывается мало. Человек, порой сам того не осознавая, желает стать действительно счастливым. А это, по мысли Тарковского и его героя, возможно лишь причастившись тому, что явилось из другого мира, пришло с Неба. На языке богословия, полнота богообщения и есть то чудо, то счастье, которое предлагает человеку Комната.

«Юродивый»

В «Пикнике» Стругацких образ сталкера – образ бравого, лихого парня, первоклассного проводника в зону. В произведении Тарковского от Рыжего Рэдрика не остается и следа. Известно, что Стругацкие несколько раз переписывали сценарий и каждый раз режиссер его браковал.

Не устраивал именно образ главного героя. На вопрос «Кто же вам нужен?» он ответил: «Юродивый». Сталкер Тарковского – юродивый.

Это юродство подчеркивается режиссером различными способами: болезненный вид героя, изуродованная лучевой болезнью голова, голос, манера общения, даже физическая слабость (в финальной сцене Писатель легко бьет его) – все это проявления юродства. Оно есть не что иное, как печать Зоны. Сталкер такой же странный и непонятный, как она. Он плоть от ее плоти: живет по ее законам, понимает ее, тонко чувствует ее настроения. Несмотря на все опасности, в Зоне ему абсолютно комфортно и спокойно: «Ну вот... мы и дома»,– говорит он попав сюда. Здесь для него красота и покой: «Это самое тихое место на свете. Вы потом сами увидите. Тут так красиво! Тут ведь никого нет...»

Ничто, кроме Зоны, не занимает сердце Сталкера. Она его отрада и утешение, единственное, что у него есть. Настоящую опасность для него таит внешний мир. Сталкер томится в нем как в заточении. Не зря на причитания супруги, которая не хочет отпускать его в очередную вылазку и пугает тем, что за сталкерство его

опять посадят в тюрьму, только теперь на еще больший срок, он отстраняет ее со словами: «Господи, тюрьма! Да мне везде тюрьма. Пусти!» Для него не так важна даже семья, жена и ребенок. Не они его вдохновляют и заставляют жить. Живет он единственно «ради» и «по причине» походов в Зону.

Это влечение основано не на жажде наживы, не на желании забыться и получить очередную порцию эгоистического удовлетворения. Тарковский намекает: влечет его в Зону нечто более глубокое, то, что до конца не зависит от его собственной натуры. «Сталкер – в каком-то смысле призвание»,– поясняет режиссер устами Профессора. Вести людей в Комнату не просто средство стабильного заработка, это именно служение.

Как служитель Комнаты, Сталкер исполнен перед ней священного трепета. Несмотря на то, что он чувствует себя в Зоне как дома, каждое его действие, слово, движение, жест, совершается словно в присутствии божественного. Ему чуждо то легкомыслие и та дерзость, с которыми ведут себя здесь его спутники. Благоговейный (отнюдь не животный) страх потревожить Зону

обнаруживает в нем не полноправного хозяина, а всего лишь покорного слугу, который старается чутко внимать малейшему изменению в настроении этого таинственного места.

Нигде в фильме нет пояснений, почему он водит сюда людей. Но становится понятным, что это не из-за денег (хотя деньги, безусловно, спутники ему платят). Скорее всего, он делает это по той же причине, по которой ходит сюда сам. Для него это как две стороны одного и того же опыта. Быть проводником в Комнату, приводить людей к Чуду, одновременно делиться с ними бесценными мгновениями пребывания в Зоне — это то, в чем он находит глубокое внутреннее удовлетворение и подлинное счастье. Более того, в этом он ощущает экзистенциальное оправдание своего существования. Этот опыт настолько желанен для него и дарит ему такую полноту жизни, что у него нет даже необходимости что-то самому просить у Комнаты. «А сами вы никогда не хотели этой комнаткой, э... попользоваться? А?» — спрашивает его Писатель. «А... а мне и так хорошо». Это очень примечательно, учитывая, что ребенок у него — инвалид.

С другой стороны Сталкер ощущает, что попроси он что-либо у Комнаты для себя лично – и эта хрупкая гармония и взаимопонимание между ним и Зоной навсегда прекратиться. Поэтому он и говорит, что «Сталкеру нельзя входить в Комнату! Сталкеру... вообще нельзя входить в Зону с корыстной целью». В этом смысле ему противостоит образ Дикобраза, который перестал быть служителем и стал потребителем – попросил у Комнаты что-то для себя. Как результат, он «возненавидел Зону». В итоге, погубил здесь своего брата и с тоски повесился.

Это благоговение проявляется и в отношении Сталкера к внутреннему миру других людей. Он никогда не интересуется, исполнились ли их желания или нет. Мысль потревожить внутренний мир другого человека и усомниться в чудесной силе Комнаты, перепроверяя, исполнила ли она то, что у нее просили или нет, кажется для него кощунственной. «Люди не любят говорить о сокровенном,– поясняет он навязчивому Писателю.– И потом, это ни вас не касается, ни меня».

Образ Сталкера как образ служителя подчеркивается и мотивом его молитвы за спутников. Несколько раз режиссер изображает проводника

молящимся или евангельским текстом, или своими собственными словами, или же единственно еле заметным движением губ.

Итак, Сталкер — юродивый, однако, его юродство не слабоумие. Это жизнь по иным законам, по тем законам, которые предлагает духовная реальность своему служителю.

Однако для окружающих все это ничто иное, как странное поведение и даже безумие. В результате между Сталкером и другими персонажами возникает конфликт. Его не понимают, подозревают, над ним издеваются. Центральный диалог картины для понимания образа Сталкера как образа служителя происходит в самый разгар этого конфликта, на пороге Комнаты. Профессор хочет ее взорвать, и Сталкер пытается забрать у него бомбу. В потасовку встревает Писатель, который избивает Сталкера. Сев на землю, тот плачет, как ребенок.

> *Сталкер*: «Ведь ничего не осталось у людей на земле больше! Это ведь... единственное место, куда можно прийти, если надеяться больше не на что... Зачем вы уничтожаете веру?!»

Писатель: «Да замолчи! Я же тебя насквозь вижу! Плевать ты хотел на людей! Ты же деньги зарабатываешь на нашей... тоске! Да не в деньгах даже дело. Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и Бог, ты, лицемерная гнида, решаешь, кому жить, а кому умереть... Я понимаю, почему ваш брат сталкер сам никогда в Комнату не входит. А зачем? Вы же здесь властью упиваетесь, тайной, авторитетом! Какие уж тут еще могут быть желания!»

Сталкер: «Это н-неправда! Неправда! Вы... Вы ошибаетесь! (Стоит на коленях в воде, смывает слезы и кровь с лица, плачет.) Сталкеру нельзя входить в Комнату! Сталкеру... вообще нельзя входить в Зону с корыстной целью! Нельзя; вспомните Дикобраза! Да, вы правы, я — гнида, я ничего не сделал в этом мире и ничего не могу здесь сделать... Я и жене не смог ничего дать! И друзей у меня нет и быть не может, но моего вы у меня не отнимайте! У меня и так уж всё отняли — там, за колючей проволокой.

Все мое — здесь. Понимаете! Здесь! В Зоне! Счастье мое, свобода моя, достоинство — все здесь! Я ведь привожу сюда таких же, как я, несчастных, замученных. Им... Им не на что больше надеяться! А я могу! Понимаете, я могу им помочь! Никто им помочь не может, а я — гнида (кричит), я, гнида,— могу! Я от счастья плакать готов, что могу им помочь. Вот и все! И ничего не хочу больше». (Плачет).

«Уж лучше горькое счастье»

Этот же мотив юродства как неотмирности продолжается и в образе дочери Сталкера. Она, Мартышка,— порождение Зоны. Она калека, не такая как все. Однако по замыслу Тарковского в этом юродстве и инаковости сокрыта ее сила. В конце фильма это очень своеобразно выражено в сцене, где девочка одним только взглядом двигает стакан. Несмотря на физическую немощь, в ней совершается сила, которая

позволяет действовать вопреки законам этого материального бытия.

Если в дочери Сталкера мы видим продолжение мотива юродства, то в образе супруги – еще одно выражение идеи служения. Как жена того, кто служит, она вынуждена пренебречь личными интересами, подняться над бытовыми представлениями о человеческом счастье, каких бы мучений ей это ни стоило. Однако именно этот скорбный опыт дарит ей ощущение того, что в жизни ее семьи присутствует нечто настоящее, подлинное; в ней есть то, чего так ищут многие внешне благополучные и успешные люди, но не могут найти. Не зря именно ее монолог, который звучит как ответ на один из главных вопросов фильма – «Как возможно счастье?» – завершает фильм.

«Вы знаете, мама была очень против... мама говорила: он же сталкер, он же с-смертник, он же вечный арестант! И дети. Вспомни, какие дети бывают у сталкеров... А я... Я даже... Я даже и не спорила... Я и сама про все это знала: и что смертник, и что вечный арестант, и про детей... А только что я могла сделать? Я уверена была, что с ним мне будет хорошо. Я знала, что и горя

будет много, но только уж лучше горькое счастье, чем… серая унылая жизнь. (Всхлипывает, улыбается). А может быть, я все это потом придумала. А тогда он просто подошел ко мне и сказал: „Пойдем со мной",– и я пошла. И никогда потом не жалела. Никогда. И горя было много, и страшно было, и стыдно было. Но я никогда не жалела и никогда никому не завидовала. Просто такая судьба, такая жизнь, такие мы. А если б не было в нашей жизни горя, то лучше б не было, хуже было бы. Потому что тогда и… счастья бы тоже не было, и не было бы надежды. Вот».

Несмотря на бытовую неустроенность, болезнь ребенка, порой внутренние семейные разногласия, одним словом — горе, единственными подлинно счастливыми персонажами фильма являются сам Сталкер и его близкие. Даже не используя Комнату, главный герой обретает жизненную полноту, всецело посвятив себя Зоне и другим людям. Пускай в результате такого выбора неизбежно приходят скорби, именно это служение является залогом присутствия в жизни (как самого проводника, так его родных) того, ради чего другие идут в это священное место. Не зря в конце фильма после,

казалось бы, исполненного неподдельного трагизма монолога супруги Сталкера, звучит ода «К радости».

«Несчастные»

Картина будет неполной, если мы не упомянем о двух важных персонажах,– о Писателе и Профессоре. Так называет своих спутников сам Сталкер, настаивая на том, чтобы они не произносили свои настоящие имена. И не случайно. По замыслу Тарковского, это собирательный образ современной ему гуманитарной и технической интеллигенции. В отличие от Стругацких, Тарковский поднимает серьезную проблему, которая стояла и до сих пор остро стоит в секулярном мире. Речь идет о муках человеческого неверия.

Оба героя хотят попасть в Комнату, руководствуясь собственными соображениями и целями. Каждый из них по-разному раскрывается во время путешествия, обнажая те душевные недуги, которым болеет современная Тарковскому интеллектуальная элита.

Болезнь Писателя лежит на поверхности.

«...Мир непроходимо скучен, и поэтому ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок... ничего этого быть не может. Мир управляется чугунными законами, и это невыносимо скучно. И законы эти — увы! — не нарушаются. Они не умеют нарушаться... Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а бэ цэ, который равен треугольнику а-прим бэ-прим цэ-прим. Вы чувствуете, какая унылая скука заключена в этом утверждении? Вот в средние века было интересно. В каждом доме жил домовой, в каждой церкви — Бог... Люди были молоды! А теперь каждый четвертый — старик. Скучно, мой ангел, ой как скучно».

С первой же его реплики автор дает нам понять, кто перед нами. Это унылый скептик, разуверившийся человек, пресыщенный всеми «радостями» этой жизни, а потому — опустошенный изнутри. Более того, скепсис и уныние Писателя граничат с кощунством. Так, в одном из эпизодов, в котором Сталкер читает стихотворение о томлении души по Богу, Писатель надевает скрученную проволоку на голову наподобие тернового венца и клоунским тоном произносит: «Я вас не прощу!» Это явная пародия на

Христа. «А вот этого не надо, — реагирует сразу же Сталкер,— я прошу вас». Не зря, видимо, после испытания в «Мясорубке» Писатель сравнивает себя с Вечным Жидом, человеком, который ударил Спасителя, изнемогавшего под тяжестью Креста.

Дойдя до комнаты, Писатель не может в нее войти. Чуду не дает причаститься унылый скепсис и цинизм, которыми наполнена его душа. Чтобы преодолеть это состояние, Сталкер призывает его «сосредоточиться и постараться вспомнить всю свою жизнь. Когда человек думает о прошлом, он становится добрее». По сути, это призыв к покаянию. Однако тот не находит силы заглянуть в самого себя, чтобы понять, о чем же на самом деле тоскует его сердце.

Писатель: «Едва ли... это пройдет. Во-первых, если я стану вспоминать свою жизнь, то вряд ли стану добрее. А потом, неужели ты не чувствуешь, как это все... Срамно?... Унижаться, сопли распускать, молиться».

Сталкер: «А что дурного в молитве? Это вы из гордости так говорите. Вы

успокойтесь, вы просто не готовы. Это бывает, довольно часто».

Для Писателя все его желания остаются всего лишь желанием «дряни», которую он не хочет вываливать на голову ни себе, ни другим людям. Этой «дрянью» и захлебывается жажда подлинного счастья.

Что же с Профессором? Подобно Писателю, он также жаждет истины. Однако, в отличие от своего коллеги, Профессор скорее прагматик, нежели философ.

Писатель: «...Поиски истины. Она прячется, а вы ее всюду ищете, то здесь копнете, то там. В одном месте копнули — ага, ядро состоит из протонов! В другом копнули — красота: треугольник а бэ цэ равен треугольнику а-прим бэ-прим цэ-прим...»

Беда Профессора в том, что в этом поиске он слишком уповает на голый разум. В итоге этот разум приводит его к той мысли, что Комнату нужно во что бы то ни стало уничтожить. В ее существовании он видит реальную

опасность для человечества. Но, придя на место, он узнает, что комната исполняет желания иного рода, нежели корыстные. Более того, под влиянием малодушных рассуждений Писателя, он вообще начинает сомневаться в реальности происходящего в этом чудесном месте. «Тогда я вообще ничего не понимаю,— недоумевает он.— Какой же смысл сюда ходить?» В результате в его сознании факт существования этого чудесного места вступает в конфликт с голыми законами ratio, и Комната просто перестает для него быть.

Чего не хватило Писателю и Профессору, чтобы стать участниками Чуда? На это намекает сам Сталкер. «Главное... верить!» — увещевает он своих спутников, приглашая их в Комнату. Однако окончательный приговор этим двум Тарковский выносит в финале произведения. О трагедии человечества в лице Профессора и Писателя Сталкер сокрушается в разговоре с женой.

> *Сталкер:* (вздыхает) «Если б вы только знали, как я устал! Одному Богу известно! И еще называют себя интеллигентами. Эти писатели! Ученые!»

Жена: «Успокойся!»

Сталкер: «Они же не верят ни во что. У них же... орган этот, которым верят, атрофировался!.. За ненадобностью!.. Боже мой, что за люди...»

Жена: «Успокойся... Успокойся... Они же не виноваты... Их пожалеть надо, а ты сердишься».

Сталкер: «Ты же видела их, у них глаза пустые». (Жена дает ему лекарство, гладит его, обтирает лицо платком. Он плачет, отворачивается.)

Сталкер: «Они ведь каждую минуту думают о том, чтобы не продешевить, чтобы продать себя подороже! Чтоб им всё оплатили, каждое душевное движение! Они знают, что „не зря родились“! Что они „призваны“! Они ведь живут „только раз“! Разве такие могут во что-нибудь верить? ... И никто не верит. Не только эти двое. Никто! Кого же мне водить туда? О, Господи... А самое страшное... что не нужно это никому. И никому не нужна эта Комната. И все мои усилия ни к чему!»

Не зря этот диалог происходит на фоне стеллажей с книгами, которыми заставлена квартира Сталкера. Тем самым дается понять, что сам он не выступает против учености как таковой. Он против знания, которое порождает скепсис, цинизм, уныние, неверие и, в итоге,— несчастье. Именно веру пытается пробудить в своих спутниках Сталкер. Не зря в ткань произведения вплетены отрывки из Священного Писания. В первом случае сам Сталкер молится евангельским отрывком о путешествующих во Еммаус, глаза которых «были удержаны» (см. Лк. 24, 13–19). Причем операторская работа дает понять, что речь идет о двух спутниках Сталкера. Во втором случае жена Сталкера читает отрывок из Апокалипсиса (см. Откр. 6, 12–17) о проклятиях и несчастьях, которые обрушились на людей за их неверие.

Своим гением Андрей Тарковский наполнил научно-фантастический сюжет подлинно христианским содержанием. От нравственной проблематики он шагнул к религиозной. «Сталкер» заговорил о «вечных вопросах», которые во все времена тревожат сердце и ум человека. Параллели очевидны и зачастую напрашиваются

сами собой, стоит лишь немного присмотреться, поразмыслить над тем, что происходит на экране.

И если в нескольких словах постараться сформулировать то, о чем на языке символов, намеков и аллюзий рассказывает нам этот фильм, наверное, можно было бы сказать так: «Сквозь опасности мира духовного священник ведет человека, человека сомневающегося, человека измученного собственным неверием, человека, который подчас готов „поднять руку" на своего проводника. Ведет, чтобы поделиться с ним тем неземным счастьем, которого преисполнена его собственная душа и которого так страстно жаждет душа несчастного. Ведет в то место, где исполняются самые сокровенные желания, к Чаше Христовой».

Иерей Димитрий Барицкий

21.09.2013

Оглавление

Формат 70x100/32. П.л. 1. Тираж 5 000 экз. Заказ № 417
Местная религиозная организация Православный приход храма Святаго Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви: 129272, Москва, ул. Советской армии, 12, стр. 1 и 2.
ОТДЕЛ РЕАЛИЗАЦИИ: 8-495-689-15-54.
Отпечатано в типографии Патриаршего Издательско-Полиграфического центра:
141300, г. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

Смотреть «Сталкера» непросто. Причина этого не только в том, что произведение имеет глубокую смысловую нагрузку, но и в том, что эти смыслы выражены при помощи сложного символического ряда. Для того чтобы дешифровать авторский замысел или хотя бы интуитивно уловить идейное ядро фильма, необходимо подобрать нужный ключ, разгадать особый код.

Можно искать этот код в философии, этике, социологии, эстетике и других отраслях человеческого знания. Однако при более пристальном рассмотрении становится очевидным, что на первый план здесь выходит именно религиозная и даже мистическая проблематика. Все остальное — лишь производные. Адекватно и полно прочитать «Сталкера» Тарковского можно лишь в контексте религиозно-богословской парадигмы.

Иерей Димитрий Барицкий